

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра отечественной истории и историографии

**Досуг и развлечения советской молодежи (1960–1970-е) гг.
АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ**

студента 3 курса 321 группы

направления подготовки 46.04.01 «История», профиль
«Исторический феномен России: власть, общество, регионы»
Института истории и международных отношений

Сотникова Андрея Олеговича

Научный руководитель

д.и.н., профессор

Морозова Е.Н.

Заведующий кафедрой

д.и.н., профессор

Данилов В.Н.

Саратов 2025

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа социокультурных процессов, происходивших в советском обществе в период 1960–1970-х гг., когда досуг и формы его организации превратились в один из ключевых инструментов идеологического, воспитательного и культурного воздействия на молодое поколение. Данный период ознаменован не только масштабными политическими преобразованиями, но и радикальными изменениями в повседневной жизни граждан. На фоне хрущёвской «оттепели» и последующего этапа «развитого социализма» именно молодежь становится приоритетным объектом культурной политики государства: она рассматривалась как социальный ресурс для реализации проектов коммунистического строительства. В этой связи досуговая сфера приобретает двойственную функцию: с одной стороны, она является каналом институционализированной социализации, обеспечивающей формирование «нового человека», а с другой – пространством трансформации культурных кодов и личностных стратегий самореализации.

Историографический обзор демонстрирует, что проблематика досуга советской молодежи 1960–1970-х гг. рассматривается в отечественной и зарубежной научной традиции как важный элемент социокультурной динамики позднесоветского общества. Ранние исследования сосредоточены преимущественно на институциональной и нормативной стороне культурной политики. Так, в сборнике «Эпоха социалистической реконструкции» подробно анализируются механизмы формирования культурной среды и нормативного регулирования досуга как структурного элемента идеологического аппарата советского государства, что позволяет рассматривать досуговую сферу не как маргинальный феномен, а как важную составляющую государственного проекта модернизации¹. Значительное

¹ Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. 754 с.

внимание уделено анализу досуга как инструмента формирования коллективных идентичностей и социализации, встроенного в систему культурно-просветительной работы, клубных учреждений, пионерских и комсомольских организаций, что согласуется с общими тенденциями изучения повседневности советского общества².

Во второй группе исследований прослеживается усиление внимания к трансформационным процессам и к соотношению официальных нормативных установок с практиками повседневной жизни. Е.В. Дуков выделяет досуг как важнейший индикатор социокультурных модификаций советского общества, позволяющий проследить смену ценностных ориентаций и появление элементов индивидуализации в массовой культуре³. А.В. Бадер рассматривает досуг студенческой молодежи как индикатор трансформации тоталитарного режима, подчеркивая двойственную природу этого феномена: с одной стороны, досуг остается сферой идеологического контроля, с другой – превращается в пространство формирования личных и групповых идентичностей⁴. Аналогичный подход можно наблюдать у Е.В. Барановой, анализирующей культурно-досуговую деятельность в региональном контексте, что позволяет выявить специфику локальных практик в рамках общегосударственной модели⁵.

² Агеева, В.А., Мерзляков, М.П. Повседневный мир советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyy-mir-sovetskogo-obschestva-kak-predmet-izucheniya-otechestvennyh-issledovateley> (дата обращения: 08.10.2025).

³ Дуков, Е.В. Социокультурные модификации в СССР 1960–1980-х годов // Художественная культура. 2023. № 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-modifikatsii-v-sssr-1960-1980-h-godov> (дата обращения: 07.10.2025).

⁴ Бадер, А.В. Досуг студенческой молодежи Донбасса как индикатор трансформации тоталитарного режима СССР (середина 1950-х – середина 1980-х гг.) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2015. № 11. С. 60–64.

⁵ Баранова, Е.В. Культурно-досуговая деятельность в Калининградской области во второй половине 1940-х – 1980-х годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-dosugovaya-deyatelnost-v-kaliningradskoy-oblasti-vo-vtoroy-polovine-1940-h-1980-h-godah> (дата обращения: 08.10.2025).

Особое значение для развития историографического поля имеют работы, акцентирующие внешние культурные влияния и их воздействие на советские досуговые практики. Д.С. Зайцева рассматривает итальянский кинематограф как фактор трансформации молодежного досуга, подчеркивая его роль в процессе индивидуализации культурных практик и формировании новых эстетических ориентиров⁶. В этом контексте особенно важен переход от понимания досуга как строго нормативного института к анализу его как гибридного культурного поля, в котором существуют официальные и неофициальные практики. Д. Козлов выделяет процессы социализации молодежи в период «оттепели», подчеркивая появление альтернативных идентичностей, возникающих внутри нормативно заданных форм⁷. Значительное влияние на формирование методологического аппарата исследований оказали концепции культурологического досуговедения⁸, а также теоретические подходы к анализу повседневности и институциональных изменений⁹.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе трансформаций досуговых практик советской молодежи 1960–1970-х гг. в контексте культурно-исторических процессов эпохи, а также в определении их роли в воспроизведстве и трансформации идеологических и социальных структур.

⁶ Зайцева, Д.С. Вклад итальянского кино в трансформацию советских досуговых практик 1960–1980-х гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-italyanskogo-kino-v-transformatsiyu-sovetskikh-dosugovyh-praktik-1960-1980-h-gg> (дата обращения: 08.10.2025).

⁷ Козлов, Д. Социализация советской молодежи периода «оттепели»: варианты альтернативных идентичностей (на примере Архангельской области) // Laboratorium. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-sovetskoy-molodezhi-perioda-ottepeli-varianty-alternativnyh-identichnostey-na-primere-arhangelskoy-oblasti-1> (дата обращения: 08.10.2025).

⁸ Дик, П.Ф. Досуговедение как философская культурология // Культурологические чтения – 2022. Культурное наследие и актуальные культурные практики: презентации, трансформации, перспективы : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2022. С. 44–49.

⁹ Фролова, С.М. Досуг как показатель институциональных изменений повседневной жизни общества // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosug-kak-pokazatel-institutsionalnyh-izmeneniy-povsednevnay-zhizni-obschestva> (дата обращения: 08.10.2025).

В соответствии с целью и логикой структуры исследования, определяются следующие *задачи*:

- 1) проанализировать ключевые теоретико-методологические подходы к изучению досуга как феномена культурно-исторической повседневности, выявить его специфику и функции в системе историко-культурного процесса;
- 2) исследовать нормативно-правовые и идеологические механизмы формирования досуговых практик в советском обществе 1960–1970-х гг., определить их роль в реализации государственной культурной политики и конструировании «нового человека»;
- 3) раскрыть процессы трансформации представлений о свободном времени молодежи в контексте хрущёвских реформ и социально-культурных изменений;
- 4) проанализировать роль молодежи в реализации идеологических проектов Хрущёвской эпохи, выявить особенности формирования общественных потребностей и институционализации досуга в рамках государственной социально-культурной политики;
- 5) систематизировать формы и практики молодежного досуга 1960–1970-х гг., выделить их основные направления (интеллектуальные, массово-культурные, трудовые и поисковые), а также определить их идеологические и социокультурные функции;
- 6) оценить значение досуговых практик молодежи как инструмента социализации, идеологической коммуникации и формирования коллективных идентичностей, а также как пространства культурной вариативности и личностного самоопределения в позднесоветском обществе.

Такая постановка задач обеспечивает комплексное рассмотрение феномена молодежного досуга – от теоретических оснований и идеологических установок до конкретных форм и практик, что позволяет

проследить его историческую динамику, институциональные механизмы и социокультурное значение.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1960-х до конца 1970-х гг., что позволяет проследить динамику культурных и социальных изменений от хрущёвской «оттепели» до эпохи «развитого социализма». Территориальные рамки исследования охватывают Советский Союз в целом, при особом внимании к городским центрам и студенческой среде как наиболее динамичным площадкам культурных изменений.

Источниковая база исследования включает архивные и опубликованные материалы. Архивные источники (оцифрованные материалы Музея истории российских реформ имени П.А. Столыпина (<http://museumreforms.ru/>), оцифрованные материалы Электронной библиотеки исторических документов Федерального историко-документального просветительского портала (<https://docs.historyrussia.org/>) – документы партийных и комсомольских органов, материалы Министерства культуры, постановления Совета Министров СССР и РСФСР, циркуляры, методические указания, отчеты учреждений культуры. К опубликованным источникам относятся: материалы периодической печати, источники личного происхождения (мемуары и воспоминания), художественная литература и визуальные источники (кинотексты), отражавшие досуговые практики молодежи.

Методологическая основа исследования строится на применении общенаучных (анализа, синтеза, индукции, дедукции), специальных исторических (историзма, историко-компаративного) методах и междисциплинарном подходе, сочетающем историко-культурный, социокультурный и дискурсивный анализ. В исследовании используются принципы системного подхода к культуре, разработанные в рамках культурологии и социальной истории; дискурсивный анализ используется для интерпретации идеологических и культурных текстов.

Научная новизна исследования состоит в комплексной интерпретации молодежного досуга как многоуровневого социокультурного феномена, в котором пересекаются институциональные, идеологические и культурные практики. Новизна предмета исследования заключается в анализе досуга не как пассивного элемента культурной политики, а как динамичного поля культурных переговоров и трансформаций. Новизна метода – в сочетании историко-культурного и дискурсивного анализа, позволяющего выявить скрытые механизмы формирования идентичностей. Новизна материала – в использовании не только нормативных актов, но и массовой визуальной культуры и кинопродукции как источника для анализа культурных процессов. Новизна результатов – в выявлении амбивалентной природы досуга как инструмента идеологического контроля и одновременно пространства культурной автономии молодежи.

Основное содержание

Первая глава «**Досуг как феномен культурно-исторической повседневности**» выполняет теоретико-методологическую функцию и содержит последовательное обоснование необходимости многоуровневого рассмотрения досуга как одновременно институционального, коллективного и индивидуального явления; в ней сопоставлены основные теоретические подходы к изучению досуга в истории культуры, синтезированы культурологические и социологические методы и предложена классификационная схема исследуемого поля. В этой же главе даётся нормативно-институциональная картина: рассматриваются ключевые постановления и методические документы, регламентирующие деятельность клубной сети, домов культуры, туристско-экскурсионных программ и комсомольских мероприятий, и анализируется их роль в превращении досуга в инструмент идеологической и воспитательной работы, причём подчёркивается двуплановость актов – материально-административная и идеологическая. Кроме того, в главе реконструируется трансформация представлений о свободном времени молодёжи в контексте хрущёвских

преобразований и последующего периода «развитого социализма»: показано, каким образом изменения в образовании, быту и медийном поле, включая влияние зарубежных кинопродукций, порождали новые потребности и практики досуга и как государственная политика адаптировала свои инструменты к этим трансформациям.

Вторая глава **«Молодёжь и государственная социально-культурная политика 1960–1970-х гг.»** сосредоточена на анализе политико-институциональной матрицы, в рамках которой формировались массовые и нормативные установки досуга, и рассматривает механизмы политико-воспитательного вовлечения молодёжи в массовые практики. В ней раскрывается роль ВЛКСМ как ключевого института мобилизации, кадровой регуляции и культурно-воспитательной работы, выявляется совокупность мотиваций участия – идеологические апелляции, материальные льготы, перспективы социальной мобильности – и демонстрируется, каким образом партийно-комсомольские символы и ритуалы конструировали образ «молодого строителя». Глава также посвящена формированию общественных потребностей: прослеживается влияние реформ в образовании и социальной политике на структуру культурного спроса молодёжи и показано, как институциональная экспансия школ, вузов, домов культуры и библиотек трансформировала характер досуга, стимулируя запрос на организованные, интеллектуальные и профессионально-ориентированные формы проведения свободного времени. Наконец, исследуются социально-политические проблемы институционализации досуга: выявляются противоречия между массовой централизацией и локальными практиками, проявления бюрократизации, а также рост неформальных культурных инициатив как реакция на ограниченность официальных каналов самоорганизации; в этой части обсуждаются вопросы пространственной дифференциации и эффективности государственных программ.

Третья глава **«Формы и практики молодежного досуга 1960–1970-х гг.»** ориентирована на эмпирическое описание и аналитическую

реконструкцию конкретных форм досуга и предоставляет картину практик свободного времени в их многообразии. Рассмотрены интеллектуальные формы – развитие телевизионных и радиоформатов, клубных и студенческих интеллектуальных игр, культура киноклубов, библиотек и научно-популярных мероприятий – и показано, как медиа и локальные клубные практики взаимно конструировали интеллектуальное поле молодёжного досуга, сочетая образовательную, социальную и развлекательную функции. Дальнейшее внимание уделено массовым практикам внутреннего туризма и культурным инициативам: раскрыты организационные механизмы всесоюзных походов, туристско-краеведческих программ, пионерских лагерей и туристских баз, продемонстрирована связь туризма с патриотическим и профессионально-воспитательным дискурсами, описана инфраструктурная и региональная дифференциация этих практик. Заключительная часть главы посвящена трудовым и поисковым формам досуга – студенческим стройотрядам, археологическим экспедициям и краеведческим проектам; показано, как трудовое и исследовательское участие функционировало как школа коллективного быта, профессиональной социализации и формирования поколенческой памяти, а также рассмотрены их воспитательные и рекреационные эффекты.

Заключение

В магистерской работе осуществлена попытка комплексного анализа досуговых практик советской молодёжи 1960–1970-х гг., что позволило не только проследить динамику трансформаций повседневности молодого поколения, но и осмыслить роль досуга как многослойного института социокультурной жизни позднесоветского общества. Анализ материалов исследования показал, что досуг в рассматриваемый период выступал одновременно средством идеологической социализации, каналом массовой культурной коммуникации и полем, где концентрировались процессы индивидуализации, эстетизации и локальной инициативы; эта многомерная природа досуга подтвердила исходную методологическую гипотезу о его

статусе как индикатора социокультурных изменений. Досуг в ВКР трактуется как «поле переговоров» между государственным идеологическим аппаратом и субъективными практиками молодежи; такая модель позволяет увязать институциональные предписания с эмпирическими формами повседневности и объяснить механизмы возникновения культурной амбивалентности позднесоветского времени.

Решение поставленных во введении задач подтверждает эмпирическую и концептуальную состоятельность выбранного подхода. Во-первых, проведённый теоретико-методологический анализ позволил синтезировать системный, уровневый и философско-культурологический подходы к изучению досуга и выстроить аналитическую схему, адекватную многоуровневому характеру исследуемого явления: институциональный, групповой и индивидуальный уровни рассматриваются здесь как взаимосвязанные элементы одной социокультурной системы. Во-вторых, источниковый и нормативный анализ выявил ключевые механизмы идеологической и административной институционализации досуга – от постановочных актов и методических указаний до плановой отчётности и смотров художественной самодеятельности – которые служили инструментарием партийно-государственной политики по формированию «нового человека». В этой связи подтверждён тезис о двухпланности нормативных актов: они одновременно задавали материально-организационные условия и вкладывали в инфраструктуру культурную и воспитательную функцию. Во-третьих, исследование трансформаций представлений о свободном времени в контексте хрущёвских реформ показало, что оттепельный период и начало «развитого социализма» породили амбивалентную сферу досуга, где сочетались усиление институционального контроля и рост вариативности практик, вызванной как проникновением зарубежных культурных образцов, так и ростом образовательных и бытовых ожиданий у молодёжи.

В квалификационной работе выявлена хронологическая траектория изменений: от фазы активной стандартизации и поствоенного восстановления инфраструктуры досуга (предшествующие 1960-м годы) – через этап институциональной интенсификации и мобилизационной деятельности 1960-х (включая расширение туристско-экскурсионной практики и стройотрядов) – к началу 1970-х гг., когда при сохранении нормативной рамки наблюдается нарастание пространств культурной вариативности и элементов частичной автономизации повседневных практик. Ключевыми направлениями преобразований стали: а) институциональная экспансия (дома культуры, пионерлагеря, студенческие клубы), б) усиление роли медиа и зарубежной киноиндустрии в формировании эстетических ориентиров молодёжи, в) функционирование трудовых и поисковых форм досуга как интеграционного механизма (стройотряды, экспедиции), г) зарождение устойчивых «полуформальных» практик, которые, хоть и использовали официальную инфраструктуру, нередко служили площадкой для личной инициативы и альтернативной идентификации. Эти результаты подтверждают и конкретизируют тезисы о том, что досуг явился одновременно инструментом политической педагогики и ресурсом культурной автономии молодёжи.

В заключение следует подчеркнуть, что выполненная работа демонстрирует: досуг советской молодёжи 1960–1970-х гг. нельзя сводить ни к однозначной функции идеологического инструмента, ни к простому отражению «западного» потребления; он предстает как сложная, амбивалентная и исторически обусловленная сеть практик, в которых пересекались власть, коллектив и личность. Исследование выявило механизмы, посредством которых государство стремилось включить досуг в систему воспитания и контроля, но также показало, что через те же институции и практики проходили процессы разнообразия, эстетической рефлексии и личной самореализации. Таким образом, досуг выступает не только индикатором социально-культурных изменений, но и активным фактором формирования культурных смыслов, что открывает перспективы

для дальнейших исследований на стыке культурной истории, истории повседневности и молодежных исследований.